

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

**АЛИШЕР
НАВОИ**

**СОЧИНЕНИЯ
В ДЕСЯТИ ТОМАХ**

VI

**Перевод
Семена Липкина**

АЛИШЕР НАВОИ

С Е М Ь П Л А Н Е Т

VI

ТАШКЕНТ – 2021

Редколлегия

Б.А.Абдухалимов, М.Х.Асадов, О.Д.Давлатов, Н.Ильин,
Н.М.Махмудов, С.Саййид, Ш.С.Сирожиддинов, К.О.Эргашев,
Ж.С.Эшонкулов, И.Ч.Хаккулов.

Издание подготовлено к печати Институтом языка, литературы и фольклора АН РУз

Ответственные за томом

М.Ю.Юнусов

И.Ч.Хаккулов

М.Х.Асадов

Оформление Народного художника Республики Узбекистан
И.И.Икрамова и П.Д.Воронкина

ВСТУПЛЕНИЯ К ПОЭМЕ

1

Похвала слову

Задолго до начала бытия,
Когда земля не знала бытия,

Грядущей жизни чистую тетрадь
Художник пожелал разрисовать.

Внизу он создал прах, одетый в лес,
Вверху изобразил он семь небес,

Одно из них он залил синевой
И поместил над нашей головой.

Тогда-то всякая возникла тварь,
Все то, что будет впредь и было встарь.

Тогда-то и возникло слово «бысть»¹;
Картины мира написала кисть,

Листы украсив тонкостью такой:
Дар слова получил язык людской.

Чтобы величье слова описать,
Нам коротко достаточно сказать,

Что слово – до всего сотворено,
Творению предшествует оно.

Оно – основа жизни и венец,
Оно – начало жизни и конец.

Кого бы в изумленье не привел
Пожар и смуту сеющий глагол?

Откройся тайна слова муравью,—
И он бы силу показал свою.

Тем от животных мы отличены,
Что к тайне слова мы приобщены.

Со словом кто б соперничать желал?
С ним рядом горек мед и бледен лал.

В нем прелесть есть особая для нас:
Его красивый блеск сокрыт от глаз.

Хотя пленяет нас его наряд,
Хотя одежды золотом горят,

Хотя извне блистательно оно,
Снаружи обаятельно оно,—

Его краса заключена внутри:
Она зовется мыслью. Посмотри:

Воистину красавица она,
Но без одежд не явится она.

В словесной келье мысль нашла приют,
И смертные с трудом распознают,

В чем содержанье мысли: ведь она
От мира в келье слов утаена!

Пусть некто, совершенством знаменит,
Из этой кельи мысль освободит, —

Пакинуть должен на нее покров,
Представит он ее в одежде слов.

Пока томится слово взаперти,
Не может мысль нам пользу принести,

По мысль пленяет, вдохновляет нас,
В словесный облаченная атлас.

Телесный покидая свой чертог,
Жилища сердца преступив порог,

Пройдя ущелье горла до конца,
В такую смуту приведет сердца,

Что, мысли постигая красоту,
Весь мир повержен будет в немоту.

Деревья слов растут в садах души,
Плоды на тех деревьях хороши.

Людскую плоть мы садом назовем,
Людскую речь – певучим соловьем.

Когда исчезнет слово-чудодей,
Останется без песни соловей.

О господи, взгляни на свой цветник,
Ты сделал соловьем людской язык,

Ты нашу речь, о боже, пожалей,
Пусть песенным пребудет соловей!

Но соловей скорбящего певца
Стократ достоин милости творца:

Он, словно сад, лелеет мысль свою, –
Дай листья саду, песню – соловью!

Пусть зашумит словесный сад листвою,
Пусть грянет звонко соловей живой,

Пусть пенье громогласного певца
И вдохновит и опалит сердца.

Пусть сад растет, не ведая границ,
Пусть не смолкают в нем напевы птиц.

Пусть сад цветет, исполненный щедрот,
Пусть песню соловья поймет народ!

2

**О преимуществе поэзии перед прозой; о том, что автор этой поэмы –
лишь капля в море и пылинка на солнце в сравнении с
прекрасноречивым Низами и индийским колдуном Хосровом**

Мы сравниваем душу с цветником,
Где слово нежным веет ветерком;

Вернее, слово – жемчуга зерно,
Что было в море сердца рождено.

Слова-монеты блещут серебром:

Блестящие от стертых отберем.

В словесности достигший мастерства
На два отдела разделил слова:

Рассыпанные – прозой мы зовем,
Нанизанные – нарекли стихом.

Для истинных понятно знатоков,
Что выше и трудней ступень стихов.

Слова-жемчужины пленяют взгляд.
Они и сами по себе блестят,

Но выше мы должны их оценить,
Когда слова нанизаны на нить.

Оманский жемчуг радует глаза,
Когда блистает рядом бирюза.

Когда слова нанижет ювелир,
Их стройной красоте дивится мир.

Пусть камни, восхищая нас игрой,
Сыпучею возвысятся горой, –

Бесспорно, ими восхитится глаз,
Но не пленят порядком стройным нас.

Различны их величина и цвет,
И внутренней меж ними связи нет.

Пусть превозносят прозу до небес, –
Поэзии бесспорен перевес.

Нанизанная речь звучит сильнее,
Но разновидностей немало в ней.

Не скрою к ним я искренней любви,
Однако всех прекрасней – месневи².

Не названы другие? Не беда:
Назвать их может каждый без труда.

В них стройность мы найдем и красоту,

Но все же месневи я предпочту:

Площадка двух срифмованных стихов –
Просторное ристалище для слов.

Придя туда, соперники-певцы
Покажут нам искусства образцы.

Один из седоков проворней всех.
Ну что ж? Благословим его успех!

Погнав коня, пусть он летит на нем,
С небесным соревнуется конем.

Свою отвагу пусть прославит он,
Своим човганом³ пусть поставит он

Клеймо победы на щеке небес,
Коню небес скача наперерез.

Один певец, властитель дивных чар,
Угнал на этом состязанье шар⁴.

В руинах мира для людей Гянджи
Открыл он щедрый клад своей души.

Когда страницы, полные добра,
Исчерчивал он кончиком пера,

То кончик расщеплялся: так сладка
Была гянджинца тонкая строка.

Он сахар – не слова – пером дарил,
Он мускус изливал взамен чернил.

Страницы, мыслями услаждены,
То сахара, то мускуса полны.

Для сердца сахарная хороша,
А мускусной пленяется душа.

Весь Индостан, Китай пройди ты весь, –
В тех странах неизвестна эта смесь.

И мускус он и сахар сочетал,

Чернилами он сахар пропитал

И сажу влажным мускусом смочил,—
Нигде подобных не найдешь чернил.

Как жизни нить, тонки слова его,
В них жизни постигаешь естество.

В его стихах – души высокий строй,
Его чернила – из воды живой.

Чернильницей владеет чародей:
Она – источник жизни для людей.

О нет, она – то самое русло,
Что воду жизни Хызру⁵ принесло.

Кто из певцов сравнится с Низами?
Могуча «Пятерица» Низами!

Не пять поэм – пять кладов пред людьми,
Второй Карун⁶, рассыпал Низами!

Кто взвешивает жемчуг, тот найти
Сто тысяч кладов может в тех пяти,

Где каждый жемчуг, – нет ему цены, –
Краса короны, подать всей страны!

Владеет жемчугами тот певец,
На чьей главе – поэзии венец.

Как быстро путь стихов прошел поэт:
Так катится о шелку самоцвет!

Никто вослед не шел: один Хосров⁷
Последовал за ним тропой стихов.

Нет, колдуном Хосрова назови:
В рабов своих волшебных месневи.

Сын Индостана превратил людей.
Не говори: «индус», скажи: «злодей»,

Пьянящей чарой назови его,

Нет, божьей карой назови его!

Пером, как пламя, обжигал он мир,
Огонь стихами низвергал он в мир.

Он сам – огонь, он – храм огня любви,
Нет, саламандрой ты его зови!⁸

Мы уподобим небу каждый стих,
А мысли – звездам в небесах ночных.

Стихов его страницу мы сравним
С прекрасным мирозданьем, – но с каким?

Свет разума живого – стих его,
Дух мысли в Теле слова – стих его.

Миры – чертоги ночи – он воздвиг.
Нет! Что бы Прержний зодчий⁹ ни воздвиг, –

Всю прелесть первозданную дворцов
Украшил позолотою Хосров.

Тот – нам раскрыл иремских роз красу⁹,
А этот – пролил на цветы росу.

Привел нам Тот, чья родина – Гянджа,
Красавицу, что так была свежа, –

Индуc, преемник Низами прямой,
Натер ее румянами, басмой.

Тот – нам красавиц скромных показал,
А этот – их привел без покрывал.

Но так второй на первого похож,
Что близнецами ты певцов сочтешь.

Еще один искусный был писец,
Ума и тонкой мысли образец,

Но как ни изощрял он хитрый слог,
Тягаться с прежними двумя не мог.

Все, что сумел, осуществил Ашраф¹⁰,

Пределы дара своего познав.

Пожалуй, был не очень он хорош,
Но в нем дурное тоже не найдешь.

Я сделался безумным и больным,
Несбыточным желаньем одержим;

Хотя не в силах я дойти к ключу,
Я выпить море целое хочу;

Я даже горсти праха не сберег,
А вот мечтаю возвести чертог;

Я слабостью тростинки наделен,
А думаю о кладе, как дракон.

Чтобы, попав меж этими двумя,
Сомнениями душу не томя,

С их словом я бы мог свое равнять,—
Вернее, заменять иль изменять,

Из Хорасана войско повести,
Все сокрушая на своем пути,

Чтоб войска звучный и согласный шум
Поверг в смятенье Индостан и Рум¹¹,

Чтоб видел мир: стократ же я сильней,
И кесаря и раджи я сильней!..

Не похвальба ли этот разговор?
Да нет, не похвальба, а сущий вздор!

Друг против друга на доске стоят
И белых крепкий ряд и черных ряд¹²,

Что делать пешке на такой доске?
Бессильная, замечется в тоске,

Но тщетно все: борьбой разъярены,
Ее затопчут кони и слоны.

У белых, у румийцев, конь силен,